

ИМПЕРСКИЙ СЫСК

От Евгения *Сухова*

Подставная дочь

Расследования криминального репортера

Евгений Сухов

Подставная дочь

«ЭКСМО»

2015

Сухов Е. Е.

Подставная дочь / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2015 — (Расследования криминального репортера)

ISBN 978-5-699-77500-2

В Москве ударом топора убит известный общественный деятель Василий Масловский. Главным подозреваемым становится политический оппонент Масловского, коррумпированный генерал Манаев. В полиции уверены, что генерал «заказал» общественного деятеля, чтобы тот не смог обнародовать информацию о его темных делах. Столичный криминальный репортер Аристарх Русаков убежден, что в этом деле не все так просто. Он начинает собственное журналистское расследование и вскоре выходит на новых подозреваемых. Ими становятся жена и лучший друг убитого. У этой парочки, по мнению Русакова, причин ненавидеть Масловского было гораздо больше, чем у высокопоставленного военного...

ISBN 978-5-699-77500-2

© Сухов Е. Е., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1. Вот она, слава, или Собственное расследование Ирины	6
Глава 2. Последний день отпуска, или Убийство «главного контролера»	17
Глава 3. Четыре вопроса, или Бывает же такая везуха!	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Сухов

Подставная дочь

© Сухов Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1. Вот она, слава, или Собственное расследование Ирины

За свой сценарий я получил восемьсот семьдесят тысяч рубликов. Как мне сказали знающие люди, это весьма даже прилично для человека со стороны при бюджете фильма менее чем девяносто миллионов. Ведь написанием сценариев в Москве занимается особая каста людей, никаких чужаков к себе не подпускающая. И «пристроить» свой сценарий человеку, не входящему в эту касту, весьма и весьма проблематично.

Правда, также добавили знающие, Нережко или Болодарский получили бы за сценарий к полнометражному художественному фильму не менее шестидесяти тысяч долларов США, то есть по курсу тридцать пять рублей за доллар это будет два миллиона сто тысяч рублей. Но я сценарист, так сказать, начинающий, к тому же далеко не Нережко и не Болодарский. И даже не такая сложная духовная субстанция, как Мансура Бетонцева. Не будь режиссером фильма Альберт Андреевич Пиктиримов, так я получил бы за свой сценарий, ну, тысяч десять «зелеными». Не больше! А потому восемьсот семьдесят тысяч рублей за полтора месяца работы – это отнюдь не плохо. Чего уж тут кривить душой – даже очень прилично! Конечно, олигархом я не стал, на такую сумму не купить даже машину моей мечты. Но зато такие деньги позволяют с серьезным видом заходить в автосалоны и солидно сидеть в салоне автомобиля класса люкс, пробуя на ощупь мягкую кожу кресел.

Конечно, сценарий этот дался мне непросто.

Целую неделю я начитывал различные материалы о том, как пишется сценарий для художественного (не видео) фильма, изучал детали и нюансы диалогов, правила оформления, разбивку на серии, читал готовые сценарии, по которым уже были сняты фильмы. Например, прочитал сценарий небезызвестного Ивана Ивановича «БДМ». Сценарий мне понравился, но фильм понравился больше. К тому же сценарий Ивана Ивановича был написан с некоторой допустимой небрежностью ко многим сценарным канонам, а я хотел написать так, как положено. По ГОСТу, так сказать. Какая-то ясность наступила у меня после двух бессонных ночей, когда я прочитал сценарий Александра *Мяты* «Взвейтесь кострами» и «Негодник» Эдмонда *Болодарского*.

А потом я принялся за написание.

В процессе работы не раз клял и Альберта Андреевича за его предложение написать сценарий, и себя, за то, что не сумел против него устоять. Меня спасало только одно: цена работы. Ее Пиктиримов назвал через пару недель после той исторической посиделки в ресторане «Ерема» в прошлом году, когда мне и было предложено написать сценарий, и когда мы – Альберт Андреевич, мама Ирины Марина Артемьевна, Ирина и я – отмечали поступление Ирины на журфак МГУ.

Ну и задал мне Альберт Андреевич задачку!

Сам сценарий писался около месяца. Я закончил его, дал рукописи «отлежаться» пару дней. Потом, когда начал перечитывать свое творение, нашел в нем уйму ошибок. Причем самых разных, в том числе орфографических, пунктуационных, стилистических и иных прочих (а ведь я всегда считал себя человеком грамотным).

Исправил. Вылизал все подчистую, как говорят про правку своих творений маститые писатели.

Потом решил пройтись по диалогам, и они мне не понравились. Пришлось переписывать, поскольку я написал их литературно, со многими красотами, а люди так не разговаривают. Поэтому переписывал я диалоги, произнося слова вслух, и, если бы меня слышали со стороны, наверняка бы подумали, что я тронулся умом. А возможно, где-то так оно и было...

Поскольку все люди в процессе творчества немного чиканутые. Это я вам теперь уже как литератор говорю...

И все же сценарий я написал. Причем уложился в те полтора месяца, что отвел мне Альберт Андреевич.

Когда я принес Пиктиримову сценарий, он тотчас принялся его читать и сразу позабыл, что я сижу рядом. Это было явно хорошим признаком, ибо если процесс чтения увлекает и заставляет позабыть на время об окружающем пространстве, то написанное достойно некоторой похвалы.

Альберт Андреевич дочитал сценарий, откинулся на спинку кресла и закурил. Потом как-то странно посмотрел на меня и негромко произнес:

– Я определенно буду это снимать.

– То есть сценарий принят? – с трепетом спросил я, опасаясь расколотить услышанное мгновение, как хрупкую хрустальную вазу. И получил вполне вразумительный ответ, который меня несказанно удовлетворил:

– Принят. И еще как... А ты молодец, башка у тебя варит. Признаюсь, не ожидал. Я-то все думал, что ты за молоденькими девчонками ухлестываешь, а ты... Ладно, ладно, не хмурься, я пошутил.

Как я понял, мой сценарий Пиктиримову понравился. И начались съемки. Машина завертелась! Иногда, когда позволяло время, я приходил на съемочную площадку и наблюдал, как играют актеры то, что было написано не кем иным, как мной. Честное слово, я был по-настоящему горд, ведь они озвучивали слова и диалоги, придуманные мной. Я помнил свое настроение, с которым писал реплики: выброс адриналина в момент написания удачных кусков, количество сигарет, выкуренных в тот или иной отрезок сцены, отчаяние, прорывавшееся по вечерам оттого, что я не такой гениальный сценарист, как *Мулльям Шекспир*. Актеры не ведали моих страданий, собственно, для них они были и не важны, их интересовали лишь собственная духовная составляющая и лист бумаги с напечатанным текстом.

Игра актеров поднимала самооценку, которая, честно признаться, никогда и не была низкой. Хотя то, что я сделал – написал сценарий для фильма, – было не мое. И я это прекрасно понимал. Просто сделал хорошо, смею надеяться, порученную мне работу, как делал и любую другую, порученную мне.

Пиктиримов познакомил меня со всеми ведущими актерами первого и второго планов, которые снимались у него, и я приобрел даже некоторую известность в киношном мире как подающий весьма большие надежды сценарист.

А еще я видел, как играет Ирина. Поскольку играла она саму себя, то я не мог быть объективным, хорошо у нее получается или не очень. Я вообще не мог быть объективным ко всему, что касалось Ирины. Но, судя по отношению к ней профессиональных актеров, играть хорошо и достоверно у нее вполне получалось.

А так, вне съемочной площадки, с Ириной я виделся лишь урывками. И на это были свои веские причины. Сначала я корпел над сценарием. Потом у Ирины начались съемки. А она ведь еще училась в университете. Словом, целый год наши встречи были мимолетными и столь редкими, что мы скучали друг по другу, будто находились в разных городах.

И вот наконец съемки завершились. Случилось это как раз после того, как Ирина успешно сдала последний экзамен сессии и была переведена на второй курс филфака МГУ. Как она умудрялась сниматься в фильме и одновременно учиться, причем только на «отлично», я не понимал. Возможно, любого другого такая ноша просто бы придавила, но Ирина была с характером. Да и актрисой оказалась характерной (так сказали).

Премьера фильма была назначена на 12 июля 2014 года в киноцентре «Ноябрь». Все полторы тысячи мест главного премьерного кинозала были заполнены. Знаменитостей из мира кино пришло – не счесть! Море приглашенных гостей, и среди них – мой шеф, который вели-

чественным крейсером вошел в зал под ручку с миловидной женщиной, наверное, его дамой сердца. Почему «наверное»? Потому что о семейном положении шефа у нас в телекомпании никто точно ничего не знал. Говаривали, правда, что он разведен и у него есть почти взрослая дочь, но эта информация была на уровне слухов. Ну, а спросить шефа напрямую, дескать, вы женаты или нет и есть ли у вас дети, никто как-то не решался. В том числе и я...

Перед показом фильма мы все – Пиктиримов, актеры, исполняющие главные роли, и я – собрались на сцене. Альберт Андреевич вкратце рассказал о том, что его фильм основан на реальных событиях, произошедших ровно год назад. Тогда в тупичке за рестораном «Ерема» тремя выстрелами в грудь был убит известный продюсер Марк Лисянский.

– Он был моим другом, поддерживал в трудную минуту, и я был одним из последних, кто его видел, – горько вздохнул Альберт Андреевич, – поэтому тоже попал под подозрение в его убийстве. Трудное это было дело. Непростое. И его взялся распутать тогда еще не знакомый мне, а теперь являющийся моим другом телерепортер и замечательный журналист Аристарх Русаков. Не буду долго говорить, как ему удалось изобличить преступников, а их было двое, к тому же один из них предпринял попытку его убить... все это вы сами увидите в картине. А потом родился сценарий фильма, о котором вам расскажет его автор, Аристарх Русаков.

Я поднялся со своего места. В зале зазвучали аплодисменты, и все они были адресованы мне. Вот она, господа, слава! Вот они, аплодисменты! Только кланяться я не стал. Что-то промямлил невразумительное, поскольку чувствовал себя очень неловко, поблагодарил зрителей за то, что пришли, пожелал приятного просмотра и быстро сел на свое место.

Потом говорили актеры. О трудностях в работе над этим фильмом, о том, что им было интересно играть предложенные им характеры, весьма непростые и, главное, емкие, о радости в работе с таким режиссером, как Альберт Андреевич Пиктиримов.

Несколько фраз произнесла и Ирина. Она рассказала о своих впечатлениях, которые получила от съемок, являясь непрофессиональной актрисой, о том, что труд актеров только кажется легким, а на самом деле это очень трудная, изматывающая и нервная работа, когда, например, уже сделано семь дублей, а режиссер просит дубль восьмой. Ты понимаешь, что ему нужно, а сыграть никак не можешь, потому что просто морально выжат.

Словом, это была встреча-отчет перед зрителями, которая завершилась показом фильма.

Час сорок две минуты, которые он шел, пролетели как четверть часа. Происходящее на экране захватывало полностью. Всех. И зрителей, и актеров, и даже меня. Фильм был снят великолепно. Делал его настоящий мастер. И игра актеров не оставляла желать лучшего. Шквальные аплодисменты, раздавшиеся после окончания фильма и не смолкавшие едва ли не целую минуту, были вполне заслуженны.

Режиссер и актеры начали раздавать автографы. Взяли несколько автографов и у меня. Одна девушка, рыженькая такая, с конопушками на крохотном носике и весьма миленькая, даже сказала мне, что я настоящий герой, каких сегодня можно пересчитать по пальцам, и что она отдала бы многое, чтобы такой мужчина, как я, был бы рядом с ней (я едва не крикнул, прежде девушки не знакомились со мной столь откровенно). После чего протянула мне визитную карточку и, сахарно улыбнувшись, многозначительно произнесла:

– Здесь мой номер сотового, позвоните мне как-нибудь на досуге. В любое время суток. Меня зовут Катя...

Подумав, я спрятал визитку в карман пиджака. Потом был банкет в итальянском ресторане при киноцентре. Ирина села не на приготовленное для нее место возле отца, а рядом со мной и, больно ущипнув меня в бок, прошипела:

– Ты чего это тут девок клеишь?

– Никого я не клею, – ответил я. – Последний раз, что я клеил, так это кораблик во втором классе на уроке труда. После этого ничего не клеил, даже конверты. Кстати, мне за него пятерку поставили.

– Не вешай мне лапшу на уши, – резко проговорила Ирина. – Что это была за крашенная рыжая мымра, с которой ты так мило беседовал, а? И еще улыбался ей так премоило.

– Ты имеешь в виду Катюшку? – я невинно сморгнул и добродушно посмотрел на нее. – Так это же просто...

– Катюшку? – буквально взвилась Ирка. – Вот как! Она уже для тебя стала «Катюшка»?! Или вы давно знакомы?

Напрасно я решил позлить ее. В гневе это не девушка, а косматая рысь! Или даже черная гладкая пантера. Может запросто порвать в клочья такое невинное существо, как я, да так, что кусочки разлетятся веером в разные стороны. Почти за полтора года, что мы с ней вместе, характер Ирины я узнал всесторонне и, надеюсь, глубоко, так что лучше было ее не злить и не подкалывать понапрасну. Но у меня всегда так: сначала ляпну что-нибудь вздорное, а потом сам же об этом и сожалею...

– Иришка, да не кипятись, я ее сегодня первый раз в жизни видел, – начал я оправдываться. И сам почувствовал, что как-то фальшиво получается, как будто специально для того, чтобы еще больше ее подзадорить. – Подошла, попросила автограф, вот, собственно, и все... Ты же знаешь, как это с известными сценаристами бывает.

– Автограф? – Иринкин взгляд ожег меня так, словно я дотронулся до раскаленной сковородки. – А о чем вы все же так мило беседовали? Ворковали, как голубки...

– Да какие еще голубки, – пожал я плечами. – Она назвала меня героем и сказала, что я...

– Героем? – переспросила Ирина, не дав мне договорить. – А что она тебе передала? Я ведь все видела, учти.

– Послушай, Ир, ты ведь тоже раздавала автографы и перекидывалась фразами со своими поклонниками. – Я старался говорить спокойно и быть предельно уравновешенным. – Но я же не делаю из этого трагедию и не подозреваю тебя в порочной связи со всеми, кто улыбался тебе и кому в ответ улыбалась ты.

– Это потому, что тебе на меня наплевать, – поджав губы, процедила Ирина.

– Ничего себе выводы! Не наплевать, – возразил я, поверь мне.

– Наплевать, наплевать, – продолжала стоять на своем Ирина. – Иначе ты бы не флиртовал с девками у меня на виду.

– Да что ты такое говоришь! Какой еще, на хрен, флирт?

– А ну-ка, – фыркнув, язвительно произнесла Ирина, – покажи, что она тебе передала.

– Да пожалуйста! – С этими словами я достал из кармана пиджака визитную карточку рыжей девушки и протянул Ирине.

– Ну, конечно, – резюмировала она. – Тут и номер телефончика сотового имеется...

– Послушай, Ирина, – серьезно заявил я ей. – У меня, кроме тебя, никого нет и быть не может.

Ирка картинно порвала визитную карточку, глядя мне прямо в глаза. Именно так палач смотрит на свою жертву, перед тем как ее обезглавить. Очевидно, то, что она в них увидела, ее устроило и малость успокоило. А, возможно, она поняла, что явно перегибает палку. Поэтому через пару мгновений выражение ее лица сменилось на благожелательное, и она произнесла:

– Да ладно, расслабься. Шучу ведь...

– Ну, знаешь... – не нашелся, что ответить на это.

– Да знаю, знаю, – улыбнулась Ирина. – Просто я не часто слышу от тебя одно слово...

Я понял, о каком слове идет речь, и сказал:

– Мужчинам это слово нельзя слишком часто говорить женщинам.

– Почему это?

– Потому что, уверовав, что мужчина любит, женщина успокаивается. И уже знает, что он никуда не денется. После чего ее чувства понемногу притупляются, ведь доказывать ему уже ничего не нужно.

– Чушь какая! – фыркнула в ответ Ирина.

– Возможно, – согласно кивнул я.

– Ну и? – снова посмотрела она на меня.

– А ты не боишься?

– Чего?

– Это слово может обесцениться от частого употребления.

– Вот этого я точно не боюсь!

– Я тебя люблю, – просто сказал я.

– Тогда поцелуй, – потребовала Ирина.

И я поцеловал ее в губы.

– Ну, вот, это совсем другое дело. – Кажется, она совсем успокоилась.

Теперь настала моя очередь. И я тоже произнес:

– Ну и?

– И я тебя люблю. – Ирина с нежностью посмотрела на меня и крепко поцеловала в губы.

– Это другое дело, – удовлетворенно произнес я и добавил: – Поздравляю тебя с дебютом актрисы. Ты была великолепна!

– А я тебя – с дебютом сценариста художественного кино, – парировала она.

И мы снова поцеловались.

Когда банкет закончился и все стали расходиться, долго прощаясь друг с другом и обещая непременно созваниваться и чаще видеться, ко мне подошел шеф:

– Поздравляю тебя, отличный получился фильм!

– Спасибо, – сдержанно ответил я, пожимая его руку.

– Да, познакомься, – произнес шеф, указывая на свою даму, – это Настя... То есть Анастасия Владимировна. Женщина, которую я... которая мне очень и очень дорога. А это, – повернулся он к своей подруге, – моя главная находка и мой лучший телерепортер Аристарх Русаков. Отчества его я не буду говорить, потому что оно очень смешное, – добавил шеф.

– Очень приятно, – мягко произнесла Анастасия Владимировна.

– И мне очень приятно, – сказал я, поглядывая на шефа. Кажется, сегодня он выпил немного лишнего, вот и разоткровенничался, чего за ним никогда раньше не наблюдалось. Зато с него слетели все маски, и он теперь казался вполне милым парнем сорока с небольшим лет. Не будь он моим начальником, мы могли бы стать хорошими друзьями.

– Не смотри на меня так, – мгновенно понял мой взгляд шеф. – Я несколько не пьян. Просто Настя и правда моя любимая женщина, а ты и правда мой лучший репортер. Ни то, ни другое я не намерен скрывать. И еще я рад за твой успех. Расти дальше! Уверен, что есть куда.

– Спасибо, шеф, – искренне проговорил я.

– Спасибо тут ни при чем. Просто ты... Ты молодец! – Шеф помолчал и вдруг спросил: – У тебя еще сколько дней отпуска?

– Остался один, – ответил я.

– Чтобы двадцать седьмого был как штык! У меня есть к тебе одно дело по твоему профилю.

– Интересное дело? – оживился я. Общество шефа всегда давало мне дополнительный импульс для дальнейшей работы. Ну, ничего не могу с этим поделать!

– Да, – коротко ответил шеф. – Так что двадцать седьмого с утра я тебя жду у себя в кабинете.

– Есть, шеф, – приложил я ладонь к виску.

Он лишь покачал головой на мое шутовство, а потом произнес:

– К пустой голове руку не прикладывают.

На этом разговор завершился. Мы попрощались друг с другом, шеф поблагодарил еще раз за приглашение на премьеру, повернулся, сделал правую руку кренделем, Анастасия Владимировна взяла его под эту руку, и они удалились.

– Красивая пара, – заметила Ирина. Она появилась столь неожиданно, что я невольно вздрогнул.

– А мы с тобой разве нет? – усмехнулся я, провожая долгим взглядом шефа с его дамой сердца.

– Мы тоже, – то ли согласилась с моим вопросом, то ли отмахнулась от него Ирина. – Слушай, мне надо с тобой посоветоваться кое о чем...

– Я само внимание.

– Тогда давай, уйдем отсюда, – предложила Ирина. – Может, где-нибудь на улице присядем.

Мы вышли из киноцентра. Арбат светился огнями, народу было полно, и найти уединенное безлюдное местечко оказалось практически невозможно.

– Может, поедем ко мне, – предложил я. – Все равно все уже закончилось.

– Хорошо, – согласилась Ирина.

Она позвонила родителям, сказала, что поедет ко мне, и просила не волноваться, потому что она уже *большая девочка*...

Кажется, родители ее поняли.

Ирина рассусоливать не любила, не в ее характере. И сразу стала рассказывать о своей проблеме. А заключалась она в следующем. В ее доме в соседнем подъезде живет, вернее, жила девочка Саша Терентьева. Теперь Саша содержится в следственном изоляторе...

Ира с Сашей хорошо знакомы, поскольку не только живут в соседних подъездах, но еще и учились в одной школе. Правда, Саша была на год младше моей Ирки.

Почему так произошло и почему Саша Терентьева теперь живет не в теплом уютном доме, а коротает денечки в тюремной камере, ожидая суда? А потому, что она очень жестоко избила свою одноклассницу Светлану Липакову. Буквально живого места на ней не оставила. Случилось это десять дней назад, но Светлана до сих пор находится в больнице. У девушки имелись множественные гематомы на лице, шее, руках и ногах, сломано аж три ребра и получена черепно-мозговая травма в виде серьезного сотрясения мозга, поскольку Терентьева била ее еще и ногами по голове. Конечно, по нынешним временам ничего удивительного в том, что одна девчонка избила другую, но вот по степени жестокости данный случай выходил за рамки обычного, а потому мерой пресечения Александры Терентьевой следователь, несмотря на все потуги государственного адвоката, определил заключение под стражу. То есть поместил ее в следственный изолятор.

– И что? – спросил я, воспользовавшись паузой в рассказе Ирины.

– А то, что я не верю, что Сашка могла до такой степени избить свою одноклассницу, – горячо ответила Ирина. – Тут что-то не так... Поэтому я и решила разобраться в этом деле.

– Ты так хорошо знаешь эту Терентьеву?

– Да, хорошо. Сашка, конечно, могла дать отпор, но лишь в тех случаях, когда ее оскорбляли или когда она видела какую-нибудь несправедливость по отношению к ней. А так, избить ни за что ни про что она не могла...

– Ну, может, все-таки было за что, – осторожно предположил я. – Скорее всего, дело в каком-нибудь мальчике. Его не поделили Терентьева и Липакова, так? Знаешь, среди девчонок, даже самых тихих, такое случается.

Я пытливо посмотрел на Ирину, ожидая подтверждения моей версии про мальчика. Обычно ссора, а точнее, драка несовершеннолетних девчонок в девяноста процентах (ну, или около того) происходит именно по этой причине.

– И так, и не так, – задумчиво ответила Ирина. – Понимаешь, они все врут...

– Что значит: «и так, и не так»? Кто тебе врет? Ты бы поконкретнее. В чем заключается это вранье? С кем ты уже успела переговорить? Что они тебе сказали такого, что ты им не веришь? – завалил я свою прелестную сыщицу кучей вопросов.

– Давай по порядку, – озадаченно произнесла Ирина. – Итак, с кем я успела переговорить... Конечно, с Терентьевой я не разговаривала, поскольку меня к ней не пустили...

– И не пустят, – заметил я.

– Но зато я поговорила с потерпевшей Липаковой.

– Та-ак, – протянул я. – Интересно. И что?

– Сейчас сам услышишь первоисточник...

Ирина достала диктофон, включила его, и я стал слушать...

ИРИНА. Здравствуйте.

ЛИПАКОВА. Здравствуйте. Вы кто?

ИРИНА. Меня зовут Ирина. Я журналист (чуть помедлив). Корреспондент «Московского комсомольца». Меня заинтересовало ваше дело...

ЛИПАКОВА (раздраженно). Какое дело? Что меня избили?

ИРИНА. Да. Ваше дело получило большой резонанс...

ЛИПАКОВА. Еще бы... Эта психичка долбанутая меня вообще чуть не убила.

ИРИНА. А почему вы говорите – «психичка»?

ЛИПАКОВА. Да психичка она, а кто же еще? Можете не сомневаться. Она такая... Никуда с нами не ходила. Ни на дискотеки, ни в клубах не зависала, даже в тех, куда девчонок пускают бесплатно и коктейль дают на халяву...

ИРИНА. Разве то, что она не ходила с вами по клубам и дискотекам, можно назвать психическим отклонением?

ЛИПАКОВА. А это вам – как?

Ирина выключила диктофон и пояснила:

– Тут Липакова указала мне на синяки под глазами, на руки, все синие, на повязку поперек тела...

– Понял, – кивнул я.

– Включаю? – посмотрела на меня Ирина.

– Да, включай.

Запись продолжалась..

ЛИПАКОВА. Разве это не доказательство, что она – психичка? Она налетела на меня, как разъяренный зверь. Поздним вечером. Со спины. Ударила чем-то по голове. Я сразу и поплыла. Она повалила меня на землю и стала пинать ногами. И копытами своими все норовила мне по лицу попасть. Я руками закрывалась, а она била, била. Что, разве не психичка?

ИРИНА. Да уж... (помолчав). Значит, Терентьева напала на вас сзади?

ЛИПАКОВА. Да.

ИРИНА. А как вы тогда догадались, что это была именно Терентьева? Ведь уже стемнело.

ЛИПАКОВА (подозрительно). А-а, вот вы куда клоните: типа вечер, темно, напала со спины, значит, я могла ее и не разглядеть... Меня как раз об этом и предупреждали...

ИРИНА (быстро). А кто вас предупреждал?

ЛИПАКОВА. Не важно... Так что ничего у вас не выйдет, понятно?

ИРИНА. Что вы имеете в виду?

ЛИПАКОВА (злобно). Отмазать ее у вас не выйдет... Когда закрывала лицо руками, я все же хорошо видела ее ноги, обувь. Дешевая такая. Из наших девчонок никто такую обувь ни за что не наденет. Уж лучше совсем босиком пойти, чем такие позорные туфли надеть... Ну, и еще голос. Эту Терентьеву вообще ни с кем не перепутаешь. Однажды она одну нашу девчонку так долбанула, что та в противоположный угол отлетела.

ИРИНА. Какую девчонку?

ЛИПАКОВА. Анжелку. Из нашего класса.

ИРИНА. Ну, может, было за что?

ЛИПАКОВА. Да Анжелка просто ее телефон случайно выронила. Так эта психичка так ей врезала...

ИРИНА. И что было потом?

ЛИПАКОВА. Потом ее хотели из школы за это выгнать.

ИРИНА. Ну, не выгнали же.

ЛИПАКОВА. Не выгнали. Потому что ее мамашка у директрисы слезами облилась и прощение за нее вымолила.

ИРИНА (помолчав). А почему все же Терентьева на вас напала?

ЛИПАКОВА. Да из-за Толика.

ИРИНА. Это ваш одноклассник?

ЛИПАКОВА. Ну да.

ИРИНА. И что Толик?

ЛИПАКОВА. Да достала его эта долбанутая Терентьева. Тоска же с ней зеленая. Вот он и переметнулся.

ИРИНА. К вам?

ЛИПАКОВА. Ну да. А что такого?

ИРИНА. А вы?

ЛИПАКОВА. А что – я? Мне было как-то все равно. Позовет Толик на дискотеку или в кино, хочу – иду с ним, а хочу – нет. Он мне не так, чтобы очень.

ИРИНА. А как Терентьева к этому отнеслась?

ЛИПАКОВА. Как, как... Разозлилась она. Вот и напала, сучка драная...

ИРИНА. Вы все так и на суде будете говорить?

ЛИПАКОВА. Конечно. А что?

ИРИНА (не без явочки в голосе). А вы знаете, Светлана, что дача ложных показаний – это уголовно наказуемое преступление? Можно и срок получить.

ЛИПАКОВА. Что?! А не пошли бы вы все...

ИРИНА. Кто это – все? Объясните.

ЛИПАКОВА (замешкавшись). Все вы... Уходите. Не хочу больше ничего говорить. У меня это... голова разболелась.

ИРИНА. Последний вопрос...

ЛИПАКОВА. Пошла ты на...

Этой короткой, но очень емкой фразой запись заканчивалась. Ирина выключила диктофон и посмотрела на меня:

– Ну, что скажешь?

– А с чего ты взяла, что она врет?

– А ты разве не почувствовал в ее голосе фальшивых интонаций?

– Ну, разве только под самый конец.

– А я чувствовала, что она врет, во время всего разговора, – твердо произнесла Ирина.

– По каким таким признакам?

– Ну, как ты меня учил, – чуть улыбнулась Ирина. – Если человек врет, то его взгляд трудно поймать: он смотрит или вбок, или вверх. Взгляд лжеца можно увидеть только тогда, когда он сам посмотрит на вас, дабы убедиться, верите вы ему или нет. Это же твои слова?

– Ну... да, – не очень уверенно ответил я.

– Липакова посмотрела на меня, чтобы убедиться, что я внимаю ее словам, три раза. Первый раз, когда сказала, что от первого же удара по голове поплыла. Второй раз – когда сказала, что видела дешевую обувь на ногах бьющей ее девушки, которую носит только Терентьева. И третий раз она встретила с моим взглядом, дабы убедиться, что я верю ей, когда

сказала, что Терентьева очень обозлилась на нее из-за Толика, который якобы бросил Сашу и переметнулся к ней, Липаковой. Ну, а еще мимика лица. Несмотря на то что оно было в синяках, она хмурилась, криво улыбалась, широко раскрывала глаза и едва не скакала на своей постели. Да, – вспомнила Ирина. – Еще она как-то неестественно и энергично жестикулировала. Как заводная кукла...

– Браво! – констатировал я.

– Не мне браво, а тебе, о, учитель, – торжественно произнесла Ирина и, сложив ладошки внутренними сторонами друг к другу, прижала их к груди и слегка поклонилась.

– Ладно, ладно, – рассмеялся я. – Вижу, что ты настоящая актриса. С кем еще успела поговорить?

– С Толиком. Это местный Казанова, так сказать. Причем не в масштабе класса, а в масштабе школы. Очень высокого о себе мнения, умненький, прехорошенький такой, в школьной группе играл на гитаре... Девчонки к нему льнут. Ко мне пытался клеиться...

– Да ты что? – изобразил я на своем лице несказанное удивление.

– Представьте себе, да, – кивнула Ирина.

– И как?

– А никак... Поставила его на место сразу, как только выведала у него все, что хотела.

– Да-а, ты это можешь, – с ходу признал я и добавил: – А что выведала-то?

– Сначала он ломался, не хотел ничего говорить, хотя ему было лестно, что к нему пришла журналистка. Потом, когда я задела его мужское самолюбие, сказав, что по его вине пострадали два человека, он заявил, что никакой своей вины здесь не видит, поскольку ничего особенного у него с Сашей Терентьевой не было и быть не могло. Дескать, посидели пару раз в кафешке, так что, мол, из того? Ему, как честному человеку, теперь жениться, что ли, на ней нужно? Мы, говорит, даже не целовались с ней ни разу. И никакой его вины в том, что случилось, нет. Такой вот фрукт, очень неприятный. На мой вопрос, ссорились ли Терентьева с Липаковой, он ответил, что *вроде бы* нет. И обидных слов Светлана Липакова в адрес Саши Терентьевой *вроде бы* не говорила. Как так случилось, что Терентьева избила Липакову едва не до полусмерти, он знать не знает и ведать не ведает...

– Что-то я не чувствую пока в его словах лжи, – раздумчиво произнес я. – И эти его «вроде бы» тоже ни о чем не говорят, кроме того что он не знает точно, ссорилась ли до избиения Терентьева с Липаковой и оскорбляла ли Светлана Липакова Сашу. Разве не так?

– А лжи в его словах и не было. В этих, о которых я тебе рассказала. Но вот когда я сказала ему, что было бы неплохо, если бы он позвонил матери Саши и поинтересовался, не нужно ли ей чего, ведь живут они бедно, да и брат Саши болеет, то Толик ответил, что не намерен названивать матери девчонки, которая может так поступать со своей одноклассницей. К тому же он, мол, и телефона домашнего их не знает...

– А тут где ложь? – поинтересовался я. – Может, так оно и есть.

– А ложь в том, что домашний телефон Терентьевых он прекрасно знал, – ответила Ирина, – и не раз звонил к ним домой. Об этом мне сказала сама мама Саши...

– Ты и с ней успела поговорить? – удивился я.

– Успела, – кивнула Ирина.

– Молодец... Хватка у тебя, что надо. Берешь быка за рога! И что, мать Саши говорит, конечно, что дочка ее не виновата? Она не такая, а, дескать, очень хорошая, заботливая, отзывчивая, мне всегда помогает, брата очень любит, собак, кошек, мышей... Мухи не обидит... Что она не могла этого сделать и что произошла какая-то ошибка, – предположил я. – А что ты хотела, ведь это мать! Она по-другому и не скажет.

– В том-то и дело, что она не говорит ничего подобного. Она только сожалеет о случившемся и надеется, что Сашу не накажут слишком уж строго...

– Неужели?

– А вот так, – ответила мне Ирина. – Говорит, что она очень сожалеет о том, что ее дочь *переборщила* и что не нужно было бить эту Свету Липакову столь жестоко...

– Переборщила, так и сказала?

– Да. И мне кажется, она чего-то не договаривает или тоже врет...

– Зачем? – спросил я. – Какой смысл?

– Даже не знаю, – пожала плечами Ирина. – Не понимаю ничего. Об этом я и хотела с тобой посоветоваться. У меня такое ощущение, что и Липакова, и Толик, и мама Саши словно условились говорить неправду. Вот только продумали все не очень умело, поэтому и происходят такие вот накладки: например, Толик говорит, что не знает номера домашнего телефона Терентьевых, а Терентьева говорит, что он часто им звонил...

– Возможно, ты права, – заметил я. – Попробуй поговорить с подругами Саши.

– А не было у нее подруг, – сказала Ирина.

– Как не было? – удивился я. – Совсем, что ли?

– Да, совсем. Некогда было Сашке с подругами тусоваться.

– Гм, давай-ка поподробнее об этой Александре Терентьевой. Что она собой представляет, семья, интересы, прочее... Все, что о ней знаешь...

– Ну, что... – Ирина немного подумала. – Живет она с матерью и младшим братом Колей, которому шесть лет. Отец у них давно умер. Пил, кажется, сильно, но этого я точно не знаю. Коля мальчик болезненный, у него врожденный порок сердца. Ему все время нужны дорогие лекарства. Лишних денег в семье нет: мама Сашки работает простым библиотекарем. А какая в библиотеке зарплата? Сам знаешь, копейки... Вот Александра и работает с восьмого класса в продуктовом магазине. Полы моет, товары раскладывает. Мечтает, чтобы брат вылечился. Как-то она говорила мне, что нужна операция, потом реабилитация, но все это стоит очень дорого, и таких денег им никогда не накопить. А так характер у нее закрытый, особо ни с кем не разговаривает и никого близко к себе не подпускает, держит со всеми дистанцию. Но не потому, что стесняется своей бедности. А потому, что...

– ...гордая, – закончил я за Ирину.

– Да, гордая, представь себе, – повторила за мной Ирина с некоторым вызовом.

– А не могло быть так, что боязнь за брата, бедность, обида на окружающий несправедливый мир, насмешки одноклассниц, безысходность, постоянная тревога за больного братишку... Все это копилось годами, копилось... А потом неожиданно прорвалось и вылилось вот в такую ярость и злобу по отношению к своей более благополучной однокласснице, – пытливо посмотрел я на Ирину. – Ну, что-то вроде синдрома.

Ирка задумалась. Наверное, такое могло случиться со всяким, у кого лопнуло терпение в поисках выхода, которого не было. А может, и не со всяким, поскольку, чтобы вот так избить одноклассницу, мало, наверное, лишь одного лопнувшего терпения и ощущения безысходности. Нужно еще что-то такое в характере, какой-то изъян, надрыв, что вызывало бы желание бить человека ногами по голове и лицу. Имелось ли *такое* в характере Александры Терентьевой?

– Нет, она не могла так жестоко избить, – твердо ответила Ирина.

– Точно? – Я снова пытливо посмотрел на свою подругу.

– Точно, – убежденно произнесла она. – Ну, и что мне дальше делать?

– Раз все врут, а это лишь следствие чего-то, то тебе надо найти это «что-то», то есть причину этого вранья, – посоветовал я.

– А что может быть причиной?

– Я думаю, что твоих опрошенных: Липакову, Толика и мать Терентьевой...

– Зинаиду Ивановну, – подсказала Ирина.

– ...Зинаиду Ивановну, – добавил я, – могли *попросить* говорить неправду, *запугать* или *дать денег*, чтобы они говорили неправду. Возможно, кто-то из них подкуплен, кто-то запуган.

– Ну, ни Толик, ни Зинаида Ивановна не похожи на запуганных людей, – в задумчивости произнесла Ирина.

– Значит, их подкупили, – предположил я. – Ты же сама сказала, что Зинаида Ивановна нуждается в деньгах. А Толику тоже деньги не помешают. Девочек, к примеру, на последний сеанс водить.

– Но кто подкупил? – посмотрела на меня Ирина.

– Это как раз и следует выяснить.

– А как?

– Надо ответить на два вопроса. – Я заложил руки за спину и принялся расхаживать по комнате, вещая эдаким менторским тоном, как профессор перед первокурсниками. – Кому выгодно то, чтобы и потерпевшая Светлана Липакова, и Казанова Толик, и даже Зинаида Ивановна, мать обвиняемой в преступлении девушки, говорили бы неправду. И почему выгодно. Есть какие-нибудь мысли по этому поводу?

– Нет, – ответила Ирина. – Но направление дальнейшего расследования ты мне обозначил, спасибо.

– Всегда пожалуйста. Может, мне к твоему расследованию подключиться? Мог бы чего-то подсказать по мере его продвижения.

– Нет, – твердо отказалась Ирина. – Я хочу распутать это дело сама. От начала и до конца. А вот твои советы, как сегодня, например, мне, конечно, не помешают.

– Хорошо, обращай в любое время дня и, главное, ночи, – улыбнулся я, притянув ее к себе. – Всегда пожалуйста! Кстати, а ты не спрашивала мать Саши...

– Зинаиду Ивановну, – снова помогла мне Ирина.

– Да, Зинаиду Ивановну, что сама Саша говорит на допросах? Вину свою она признала?

– Опа! – Ирина отпрянула от меня и удивленно произнесла: – И как это я не доперла спросить у нее, призналась Сашка в избиении или нет! Ведь это же самое главное.

– Не факт, что признание – это *самое* главное, – заметил я. – Самооговоры тоже не редки. Может, она хочет кого-то выгородить?.. Но, конечно, если человек признался, что преступление совершил он, искренне раскаивается и тому подобное, то это уже говорит о многом...

– Завтра же я еще раз поговорю с Зинаидой Ивановной, – задумчиво проговорила Ирина.

– Поговори, – согласился я. – Но это будет завтра. А чем мы займемся сегодня?

– Не знаю, – хитро посмотрела на меня Ирина.

– Я хоть как-то тебе помог?

– Помог. И даже очень!

– А где тогда благодарность?

– Благодарность? – подняла соболиные бровки Ирина. – И о какой благодарности вы, сударь, спрашиваете?

– Ну, кроме «спасибо», разумеется, о более существенной, что ли.

– А что бы вы хотели? – прищурилась она. – Поконкретнее, пожалуйста.

– Ну, я бы хотел, например, чтобы ты... – начал было я, но договорить мне не дал страстный и долгий поцелуй в губы, от которого перехватило дыхание. А потом... Нет, что было потом, простите, касается только нас двоих и отнюдь не предназначено для чужих ушей...

Глава 2. Последний день отпуска, или Убийство «главного контролера»

Свой последний день отпуска я решил провести с Ириной. Ночевали мы у меня, но, когда я проснулся, ее уже не было. Записка, которую я обнаружил на ее подушке, пестрила восклицательными знаками:

«Я ушла к Зинаиде Ивановне! Буду к обеду! Приготовь что-нибудь вкусненькое!!»

Готовить я умею, чем иногда и занимаюсь, но происходит это сугубо по настроению. Полдня иногда могу потратить на приготовление каких-нибудь вкуснейших блюд, типа свинины на пару из шейной части со сметаной и чесночком или отбивную в тесте, пожаренную на сковороде на растительном масле. Могу даже выпечь фруктовый кекс из вишни, фиников и чернослива. С орехами или без оных. Могу сделать голубцы из капусты и мясного фарша, запеченные в духовке в сметанно-томатном соусе. Но такие изыски в моем приготовлении случаются не чаще двух-трех раз в полгода. И сегодня это не тот случай. Не было ни вдохновения, ни желания заниматься кулинарией. Однако гульнуть в последний день отпуска очень хотелось, к тому же когда еще удастся вот так вот посидеть с Иркой, чтоб не терзали хлопоты и заботы, которые с завтрашнего дня накинутся на меня, аки блохи на шелудивую собаку? Поэтому я просто взял да и заказал в «Манне небесной», что на Новинском бульваре и совсем недалеко от моего дома, все, что легло на душу. А душа моя взывала к салатикам с креветками, плакала по артишокам, томилась по свежим шпинатам и авокадо (салат этот Ирка просто обожает), млела по куриным супчикам с домашней лапшой (это – мое), просила говядины по-бургундски из вырезки, маринованной в красном вине с грибами и овощами – ну, это вообще полное объедение, тревожилась о круассанах с шоколадом и свежевыжатом апельсиновом соке. Всего вышло (с доставкой) на пять с половиной тыщонок. Жалко? Ничуть! Что такое деньги? Если подумать, то деньги – это специальные крохотные кусочки бумаги с рисунками, циферками и какими-то там водяными знаками (я и по сей день не понимаю, что это за знаки такие), которые люди договорились считать ценными, не более того. Да и чего не сделаешь для любимой женщины и, естественно, для себя рядом с ней. Кроме того, у меня еще загодя была припасена бутылочка романтического Пино Нуар – красного бургундского вина с тончайшим ароматом лесной земляники. Так что к приходу Ирины стол был накрыт в полном соответствии с понятием «праздничный обед». Можно сказать, что я «приготовил нечто вкусненькое».

Ирина пришла заметно озабоченная, сразу попыталась мне что-то рассказать, но я прикрыл ладошкой ее рот и провел в свою единственную комнату, в которой был накрыт стол. Все, что должно быть горячим, исходило паром, в центре стола находился десерт, сок был разлит по бокалам, и дожидалось своего часа красное романтическое вино Пино Нуар.

Я невольно сглотнул слюну. Ирина, похоже, тоже.

– Прошу вас, сударыня, – пододвинул я перед своей дамой стул.

– По какому случаю такое пиршество? – поинтересовалась Ирина, с удовольствием поглядывая на выставленные блюда.

– По случаю последнего дня отпуска, – ответил я. – Ведь завтра у меня наступают рабочие журналистские будни. И еще по случаю того, что я влюблен. В одну прехорошенькую девушку по имени Ирина. Ты, случайно, не знаешь такую?

– Знаю, и даже очень хорошо, – буквально засветилась от сказанных слов Ирина. – Эта девушка и правда прехорошенькая. А еще она умненькая, образованная, добросовестная, целеустремленная и... страстная!

– Да ты что? – всплеснул я руками.

– Представь себе! – вызывающе посмотрела на меня Ирина глазами, полными искорок.

– Ты действительно хорошо ее знаешь.

– Да, – согласилась Ирина. – Почти как себя...

А потом мы приступили к пиршеству. И говорили, говорили, говорили... Не о том, что мне завтра на работу. Не о деле Александры Терентьевой. И не об Иркиной учебе на факультете журналистики. О делах мы вовсе не разговаривали. Ибо разговаривать за едой о делах, смотреть новости по телевизору или читать газеты – значит получить в скором времени несварение желудка. И лишиться себя кайфа от вкушения пищи.

Не-ет... Мы говорили о пустяках, о детстве. О знакомстве с миром и ежедневных открытиях, которые на сегодняшний день становятся все реже и реже.

Говорили о прочитанных книгах. О мечтах, которые со временем заимели привычку куда-то улетучиваться, мельчать, терять краски... И превращаться в обычные желания, выполнимые без особого усилия...

Мы говорили об ощущении праздника, которое приходило тогда, в детстве, просто из ничего! Например, когда, прищурившись, можно было увидеть, как в солнечном луче, падающем из окна на постельное одеяло, беспорядочно снуют микроскопические пылинки. И это вдруг вызывало предвкушение праздника, который обязательно случался. Впрочем, тогда каждый день был наполнен подобным предвкушением...

Пообедав, мы плюхнулись на диван. Мы так наелись, что было трудно разговаривать. И мы молчали. Но не каждый о своем. Мы молчали о нашем общем, и от этого было тепло и радостно на душе.

А потом мы как-то незаметно уснули. Разом. И проснулись уже в одиннадцатом часу вечера. Тоже одновременно, как будто бы проживали в унисон. За окнами было тихо, и откуда-то издали доносился звук проходящего поезда или электрички, не слышимый днем...

– Я сегодня разговаривала с Зинаидой Ивановной, – тихо произнесла Ирина, нарушив наше идиллическое молчание.

– И что она тебе сказала нового? – так же тихо спросил я.

– Она сказала, что Саша сделала признательные показания, – с грустью ответила Ирина.

– Значит, это все же она избила Липакову?

– Нет, не значит.

– Почему ты так уверена?

– Помнишь, я тебе говорила, что у Саши есть шестилетний брат Коля? – произнесла Ирина.

– Помню.

– Мальчик с рождения болеет, у него врожденный порок сердца. Где-то с год назад его состояние стало ухудшаться. Появились цианоз, одышка и отеки ног и живота. Врачи сказали, что необходима операция. А операция платная, стоит четыреста тысяч рублей. Послеоперационная реабилитация стоит столько же, даже больше, и без нее после операции обойтись никак нельзя. В общем, на Колю нужно было около девятисот тысяч рублей. Они же скопили только сто пятьдесят тысяч. А четыре дня назад ему, оказывается, сделали операцию, и прошла она успешно. Теперь, когда мальчик выйдет из больницы, ему понадобится длительная реабилитация. После ее завершения Коля будет абсолютно здоров. Отсюда возникает вопрос: откуда Терентьевы взяли такие большие деньги? И не являются ли эти деньги причиной лжи Зинаиды Ивановны и признательного показания Саши.

– Очень хорошие вопросы, – констатировал я. – Думаешь, Терентьевых, мать и дочь, купили, пользуясь тем, что Коля опасно болен и ему была нужна операция?

– Думаю, да, – кивнула Ирина.

– А кто купил, почему? Ты задавалась такими вопросами?

– Да, задавалась. И с завтрашнего дня буду искать на них ответы.

– Как говорится, с выходом!

Шеф был очень доволен, увидев меня в своем кабинете, как и было условлено, ровно в девять утра. Он вообще ценил пунктуальность.

– Спасибо, – поблагодарил я, выжидаяще поглядывая на шефа. Интересно, какое у него ко мне дело. Он сказал, что интересное. Что ж, поглядим...

– Ты слышал что-нибудь об убийстве председателя Общероссийской общественной организации «Контроль народа» Масловского? – спросил меня шеф, давая понять, что время праздных разговоров завершено.

– Нет, – честно признался я. И добавил: – Я общественными организациями вообще никогда особо не интересовался. Не было информационного предложения. Даже когда работал в «Московском репортере», мы редко...

– А вот это напрасно, – резюмировал шеф, не дав мне договорить. – Они иногда очень хорошо делают то, за что берутся, да и общественный резонанс от деятельности таких организаций бывает весьма громкий. Забыл, как пару лет назад гремела общественная организация «Русь свободная» с ее лозунгом «Очистим Русь от скверны»? Все СМИ аж недели две как минимум писали об акциях «Руси свободной», выступившей против гей-парадов на территории страны и однополых браков.

– Что-то припоминаю, – не очень уверенно произнес я. – Хотя кто сейчас об этом не говорит?

– А принудительная кастрация выпущенного на свободу досрочно педофила Тараса Нешвыдко, исполненная активистами «Руси свободной»? Это же настоящая бомба! Видео было выложено в Интернет, и его посмотрели почти три миллиона пользователей!

– Ну, это-то я помню, – сказал я.

– А Общероссийская общественная организация «Новая народная воля»? Это ведь именно новые народовольцы «пошли в народ» с целью его просвещения, что на сегодняшний день актуально, как никогда. Народ просто сбит с толку нововведениями, поскольку разобраться в этих новых законах, подзаконных актах, поправках и прочем даже человеку грамотному практически невозможно. А новые народовольцы создавали курсы, разъясняющие народу его права, учили, как правильно вести жилищные и земельные споры, объясняли собственникам жилья их права и обязанности, помогали бороться с произволом чиновников, оказывали правовую поддержку малоимущим и инвалидам. Жаль, что эту «Новую народную волю» прикрыли в две тысячи двенадцатом. Чиновники постарались, ведь им грамотное население отнюдь не нужно и даже опасно. Иначе как народ облапошивать, если он свои права будет знать. Да-а, – протянул шеф, – очень полезная была для простых людей организация. Сейчас подобной даже близко нет...

– Согласен, шеф, – терпеливо произнес я, ожидая конца прелюдии и перехода к делу, которое он хотел мне поручить.

– Так вот, к чему я это... Семь дней назад, седьмого июля две тысячи четырнадцатого года, в понедельник, в двенадцать часов двадцать четыре минуты, в конгресс-отеле «Сфера», что находится в Измайлове, на площадке пятого этажа возле закрытого банкетного зала «Лейпциг» было обнаружено тело председателя Общероссийской общественной организации «Контроль народа» Василия Николаевича Масловского. «Главного контролера», как звали его соратники по организации и коллеги. Голова «главного контролера» была проломлена в двух местах пожарным ломиком, причем второй удар был смертельным и пробил череп Василия Масловского практически насквозь, скорее всего, когда он уже лежал, сбитый с ног первым ударом лома. То есть кто-то ударил господина председателя ломом сверху вниз примерно так, как скалывают с тротуаров лед, только намного сильнее...

– Получается что-то вроде контрольного удара.

– Именно так.

– Откуда вы знаете такие подробности? – посмотрел я на шефа с некоторым подозрением.

– Позавчера днем вся информация, о которой я тебе рассказал и еще расскажу, появилась вот здесь, – указал рукой на компьютер шеф. – Кто-то из независимых журналистов выложил... Так что я сейчас экономлю твое время, и тебе не придется лазить по Интернету в поисках нужной информации... Кое-что уже есть и в газетах... Но тебе надо будет сначала проверить, все ли, что я сегодня расскажу, правда, а потом начать собственное расследование убийства Масловского, как ты это можешь... Подходящее предложение?

– Вполне, – ответил я. – Благодарю вас, шеф. А то я уж истосковался по интересному делу... Скажите, а что делал господин председатель общественной организации «Контроль народа» в конгресс-отеле? Я, как бывший отпускник, признаю, довольно отстал от общественной жизни и не очень в курсе, что сегодня в этой области происходит.

– Вот! – удовлетворенно посмотрел на меня шеф. – Молодец! Смотришь в самую суть! Узнаю своего лучшего репортера. Отличный и очень значимый вопрос. Масловский приехал в конгресс-отель на конференцию, посвященную борьбе его организации против коррупции, царящей в самих антикоррупционных организациях. Конференция так и называлась: «Контроль народа» против коррупции». Для конференции был снят в конгресс-отеле «Сфера» конференц-зал «Двина» на четыреста мест, расположенный на втором этаже. И Масловский должен был делать основной доклад. Приглашенным на конференцию доклад Масловского роздан не был, поскольку то, что собирался сказать на форуме председатель «Контроля народа», было, по словам его секретаря Шишканова, «настоящей бомбой»! Поэтому своими фактами и выводами Масловский не хотел раньше времени делиться: не тот эффект получился бы. Шутка ли, коррупция в организациях, призванных бороться против самой коррупции. С фамилиями коррупционеров и конкретными доказательствами. По словам того же секретаря Шишканова, один из ударов Масловский собирался нанести по Общероссийской общественной организации «Против коррупции», ее председателю генералу Николаю Владимировичу Манаеву и членам Центрального совета и Контрольно-ревизионной комиссии этой организации...

– То есть господин генерал Манаев со товарищи был вряд ли обрадован фактом такой конференции и, в частности, докладом-бомбой, приготовленной для него и его организации «главным контролером» Василием Масловским, – заметил я. – И то, что доклад Масловского не состоялся, сыграло на руку генералу и верхушке его организации. И мотив устранить Масловского вместе с его докладом у председателя организации «Против коррупции» Манаева и его приспешников, если они, конечно, замазаны в коррупционных деяниях, вполне просматривается...

– Пожалуй, что так, – согласился со мной шеф. – Быстро схватываешь. По крайней мере, следствие по этому делу пришло к таким же выводам, и генерал Манаев на данный момент находится под подпиской о невыезде.

– А они были лично знакомы: Манаев и Масловский? – на всякий случай поинтересовался я.

– Вот этого я не знаю, – честно ответил шеф. – Возможно, тебе это тоже придется устанавливать. Я продолжаю. Итак, без десяти двенадцать Масловский с секретарем Шишкановым входят в холл отеля, где на Масловского набрасываются несколько корреспондентов газет. Он останавливается, пару минут отвечает на некоторые вопросы журналистов и приглашает их в конференц-зал, пообещав, что конференция будет «интересной и познавательной». Сделав несколько шагов по ступеням, ведущим на второй этаж, где находится конференц-зал «Двина», Масловский получает SMS-сообщение и, прочитав его, едва ли не бегом поднимается на второй этаж, потом на третий. Какая-то женщина из числа организаторов конференции кричит ему в спину, что до начала конференции, назначенной на двенадцать часов, остается всего пять минут. Ответа от Масловского женщина не получает.

Она поднимается на второй этаж, ждет у дверей конференц-зала пять минут, семь, десять минут. Потом в поисках Масловского поднимается на третий этаж. Проходит его, заглядывая во все открытые помещения, но Масловского не находит. Нет его и на четвертом.

А на пятом, на площадке возле запертых дверей банкетного зала «Лейпциг», обнаруживает уже остывающее тело Масловского и рядом с ним – окровавленный пожарный лом. Ну, а дальше все как обычно: полиция, заведение уголовного дела по факту убийства, допросы свидетелей плюс к этому сорванная конференция и масса неразрешенных вопросов. В том числе – отсутствие файловой папки с докладом.

– Получается, убийца прихватил папку с докладом, – скорее констатировал, нежели спросил я.

– Именно так, – ответил шеф.

– Ну, значит, все дело в докладе. Он был опасен для конкретных лиц, поэтому – кровь из носу – не должен был состояться... А что было написано в той эсэмэске, получив которую, Масловский сорвался и очутился на пятом этаже отеля?

– Откуда ж я могу это знать? – удивленно посмотрел на меня шеф. – Это тайна следствия. Кстати, следствие по этому делу передано в Главное следственное управление по городу Москве Следственного комитета Российской Федерации, где у тебя, насколько мне известно, имеются нужные знакомства. Надо полагать, что у них основным подозреваемым является генерал Манаев. Только генералу была выгодна смерть Масловского. Но, похоже, с доказательной базой у следakov туго. И если наш телеканал в твоём лице это дело раскрутит, нам будет честь и хвала.

– И высокий рейтинг, – добавил я не без иронии.

– И высокий рейтинг, – согласился со мной шеф без всякой иронии. – А тебе еще весьма существенные премиальные. Это уже от меня лично...

– Я понял. Разрешите приступить, шеф?

– Приступай.

Глава 3. Четыре вопроса, или Бывает же такая везуха!

Что ни говори, а Интернет – замечательная штука. Здесь можно отыскать практически любую информацию. Когда я залез на сайт конгресс-отеля «Сфера», то отпала необходимость ехать в сам отель и осматриваться на месте.

На сайте было все: фотографии отеля, сделанные крупным планом, его описание и даже фотоснимки и схемы расположения конференц-залов. Так что представить себе картину преступления мне не составило труда.

Вот автомобиль с «главным контролером» Масловским и его секретарем Шишкановым въезжает на территорию конгресс-отеля. Парковка заполнена автомобилями участников конференции, но водитель Масловского быстро находит местечко, где можно припарковаться.

Масловский и Шишканов выходят, проходят в прохладный холл отеля, и тут их встречают репортеры газет. В том числе и некий независимый журналист, выложивший заинтересовавшую шефа информацию в Интернет и пожелавший остаться неизвестным. Масловский задерживается, Шишканов идет дальше. Масловский, держа папку, в которой находился доклад, охотно отвечает на несколько вопросов журналистов, но время поджимает: стрелка часов неумолимо движется к полудню – времени начала конференции.

Тогда председатель «Контроля народа» Василий Николаевич Масловский приглашает журналистов проследовать за ним, обещая, что доклад его будет интересным и весьма познавательным, и начинает подниматься на второй этаж. Тут он получает SMS-сообщение и, прочитав его, почти бегом бросается на пятый этаж по лестничным ступеням (само по себе весьма необычно, если наблюдать со стороны). А на пятом этаже, пустом и безлюдном, где находится лишь закрытый банкетный зал «Лейпциг», его уже поджидает убийца с пожарным ломом в руках. Ломик он позаимствовал со стены пожарного стенда на лестничной площадке. Как только Масловский вбегает на лестничную площадку, то получает боковой удар ломом по голове. Он падает, и убийца, уже ударом сверху вниз, хладнокровно добивает жертву. Потом кладет лом рядом с трупом, вытирает с него отпечатки пальцев, забирает папку с докладом и покидает отель с сознанием выполненного долга. Пожалуй, что действовать так – жестоко и хладнокровно – мог только настоящий профессиональный убийца.

Итак, вопрос первый: что содержалось в SMS-сообщении, прочитав которое Масловский почти бегом стал подниматься на пятый этаж?

Вопрос второй: кто написал ему это сообщение, убийца или его сообщник?

Ну, и, конечно, вопрос третий, ключевой: что такого содержал этот доклад, чего никак нельзя было допустить к публичному оглашению? И за что можно было убить человека?

Если ответить на все три вопроса, вычислить убийцу и заказчика убийства, если таковой все-таки имеется, будет намного легче. Но встает вопрос четвертый: как мне узнать ответы на эти вопросы? Попросить подсказать их старшего следователя Главного следственного управления Володьку Коробова? Напомнив ему о нашей дружбе и некоторых услугах, оказанных некогда мной следователям Главного следственного управления, в том числе и ему?

«А что, мыслишка дельная, – почесал я затылок, – стоит попробовать... Чего не сделаешь для исполнения служебного долга. Ну, и ради приличной премии, конечно».

– Привет, это я, – жизнерадостно произнес я в трубку, стараясь расположить его с первой же секунды.

– Я понял, – ответил Володька. – Узнал по голосу.

– А не пора ли нам встретиться и посидеть в нашем уютном местечке на Садовнической улице под названием «Мечта»? Помечтаем немного, – предложил я и стал вслушиваться в Володькино сопение. Это он так думает, когда в чем-либо сомневается. В настоящий момент

он решает, просто так я позвонил или с намерением что-либо выведать у него... Еще тот жук! Интуиция у него просто звериная.

– Тебе что-то от меня нужно? – наконец спросил Коробов. – Угадал?

– Конечно, нужно! – весело ответил я. – Мне нужно распить с тобой флакончик хорошей водочки, откусать царской ушицы, бараньих ребрышек и душевно поговорить «за жизнь»... Ну, сам знаешь!

– И все? – недоверчиво спросил Володька.

– И все, – ответил я и для пущей убедительности сделал честные глаза, хотя по телефону Володька их и не мог видеть.

– Ну, я не против того, чтобы просто посидеть... – неуверенно произнес он.

– Отлично! Тогда сегодня в шесть в «Мечте».

– В семь, – поправил меня Коробов. – Работы много.

– У тебя всегда так.

– Да, всегда, – согласился Володька. – Понимаешь, эта преступность... Она не идет на убыль.

– В прессе у нас по-другому пишут.

– А ты читай ее побольше, – хмыкнул Володька. – Ну, так что, лады?

– Договорились, в семь так в семь, – завершил я разговор. – До встречи.

Кафе «Мечта» на Садовнической – это постоянное и единственное место наших с Коробовым встреч, когда наши интересы пересекаются и нам нужно обменяться нужной информацией или просто хочется вместе выпить, вкусно покушать и сбросить накопившуюся усталость и стресс. Встречаемся мы с Коробовым не часто, поскольку и он, и я трудоголики, и времени *просто* посидеть и поболтать ни о чем у нас нет.

«Мечта» – это больше ресторан, нежели кафе. Цены в нем весьма приличные, зато домашнему вкусно покушать и по-настоящему отдохнуть здесь вполне реально.

Обычно мы выбираем тихое местечко, усаживаемся друг против друга на мягких уютных диванчиках и начинаем неспешную трапезу. Не торопясь и, что называется, с чувством, с толком и с расстановкой. Вот и сегодня, устроившись за столиком, слушая тихую ненавязчивую музыку и потрескивание дров в камине, мы, хлопнув по рюмахе водочки из запотелого графина, принялись неторопливо ужинать, перекидываясь пока что дежурными фразами. Володька выглядел замотанным, и когда я спросил его, много ли у него сейчас работы, он просто ответил:

– Много.

Расспрашивать Коробова, что это за работа, я не стал. Только понимающе кивнул и, разлив еще по рюмке, предложил:

– Давай?

– Не откажусь, – согласился Володька.

– За что?

– А давай за все! – махнул рукой Коробов.

Тост был подходящий. Я понимающе кивнул, и Володька первым опрокинул содержимое рюмки в рот. Я не замедлил последовать его примеру...

– Хорошо здесь, правда? – заметил я, намереваясь мягко и не сразу, но перейти-таки к предмету намеченного мной разговора.

– Не то слово, – легко согласился Володька. Усталость с его лица спадала, понемногу он оживал и становился тем добродушным парнем, которого я хорошо знал.

– Слушай, а что мы так редко стали встречаться? – посмотрел я на Коробова. – За последний год ходили сюда с тобой только два раза. Нам что, выпить не за что или поговорить не о чем? Или как?

– Три раза, – подумав, уточнил Володька.

– Ну, три раза за год, – согласился я и добавил: – Это что, много разве?

– Нет, не много, – печально произнес Володька.

– Тогда я предлагаю ходить сюда чаще... Ну, хотя бы один раз в два месяца. Идет?

– Идет, – ответил Володька и вздохнул: – Идея хорошая. А то с этой работой света белого не видишь.

– Точно, не видишь, – кивнул я и осторожно начал: – Вот сейчас занимаюсь одним делом... Шеф поручил. Но не знаю, как к нему и подступиться, пока нет никаких зацепок. А мой шеф требует – расследуй, и все тут! И ведь еще торопит...

– У меня такая же картина, – унылым тоном вставил Володька. – А что у тебя за дело?

– Да-а, убийство одного общественного деятеля, – как бы неохотно проговорил я и искося глянул на Володьку. – Его в одном конгресс-отеле пожарным ломиком порешили, представляешь. Масловский ему фамилия...

– Как? – остро глянул на меня Коробов.

– Масловский Василий Николаевич, – сказал я, стараясь не встречаться с Володькой взглядом. – Это председатель весьма влиятельной Общероссийской общественной организации «Контроль народа». Правда, Масловский теперь уже бывший председатель, – поправился я. – Седьмого июля в конгресс-отеле «Сфера» в Измайлове перед самым началом конференции под названием «Контроль народа» против коррупции» его убили. Представляешь, проломили голову ломом в двух местах...

– Что-нибудь уже накопал? – Теперь уже Володька спросил меня как можно осторожнее.

– Да ничего пока не накопал, – мрачно ответил я, пожав плечами. – Ну, разве только, что в его устранении был заинтересован председатель другой, не менее весомой Общероссийской общественной организации, которая зовется «Против коррупции», генерал Манаев. Поскольку доклад Масловского касался коррупции в том числе и в рядах этой самой антикоррупционной организации «Против коррупции». Чувствуешь, какой мог случиться скандал? Участникам конференции текст доклада роздан не был, находился доклад в папке, которую Масловский принес с собой, однако при его трупе папки обнаружено не было: ее прихватил с собой убийца. Вполне возможно, Масловского и убили именно из-за этой папки с докладом. Те, которые не хотели, чтобы этот доклад состоялся. Но прямых улик против генерала Манаева, насколько я понимаю, нет. – Я немного помолчал, а потом произнес: – Может быть, этот Манаев вообще ни при чем, его могли элементарно подставить. Кажется, ваши тоже занимаются этим делом...

– Ва-аши, – в сердцах съязвил Володька Коробов. – Я этим делом и занимаюсь...

О такой удаче при всем своем воображении я даже не помышлял. Вот это попадание... Прямо в самое яблочко! Значит, старший следователь Главного следственного управления по городу Москве майор юстиции Владимир Иванович Коробов занимается убийством председателя организации «Контроль народа» Василия Николаевича Масловского. И Коробову, стало быть, известно и содержание SMS-сообщения, которое получил Масловский, и его отправитель. А может, известно и содержание самого доклада Масловского...

Случается же в жизни такая везуха!

– Ну, так давай объединим наши усилия, – ненавязчиво предложил я. – Раньше у нас вместе очень даже хорошо получалось распутывать всякие трудные дела. Помнишь?

Володька посмотрел на меня и ничего не ответил. Мы выпили еще по рюмке и приступили к горячему. Откушав ушцы, Коробов вдруг произнес:

– Начальство жмет. Дело на контроле у самого... – добавил он и поднял глаза к потолку. – Едва ли не ежедневно отчитываюсь.

– Понимаю. Значит, я тебе нужен. Честно, Володь, я могу тебе помочь. Только мне надо кое-что знать...

– А что именно? – не сразу спросил Коробов.

– Мне надо знать ответы на три вопроса.

– Всего-то? – иронически хмыкнул Володька. – Мне даже интересно услышать, что это за вопросы?

– А ты на них ответишь? – недоверчиво покосился я на друга.

– Хм, посмотрим, – уклончиво ответил Коробов.

– Тогда вопрос первый. Что содержалось в SMS-сообщении, которое получил Масловский буквально за пять минут до начала конференции, после чего, не раздумывая, буквально побежал на пятый этаж отеля «Сфера»?

– А больше ты ничего не хочешь знать? – насмешливо посмотрел на меня Володька.

– Хочу, – ответил я. – У меня будет к тебе еще два вопроса. Но для начала ответь на этот...

Володя Коробов отвел от меня взгляд и задумался. В нем сейчас боролись между собой мой друг и государственный служащий. А судил этот поединок третий Володька, которому очень нужно было распутать весь этот клубочек с Масловским посередине, причем не важно, с моей помощью или без, но главное – распутать, и поскорее.

– Дальше моих ушей эта информация и все, что ты мне сегодня скажешь, до окончания следствия по этому делу никуда не уйдет. Кроме того, все, что мне удастся накопать, я буду сливать тебе незамедлительно и без утайки... – твердо пообещал я.

– Точно? – скорее, для проформы, а не потому, что мои слова вызвали в нем недоверие, спросил Володька.

– Точно, – заверил его я.

– Сообщение содержало следующую фразу: «Срочно поднимайся на пятый этаж. Буду ждать у банкетного зала «Лейпциг».

– И это все?

– Да.

– Кто прислал эсэмэску?

– Это уже второй вопрос, насколько я понимаю? – вопросительно посмотрел на меня старший следователь Главного следственного управления.

– Именно так, – ответил я.

– Ее прислала некая Лида, – ответил Володька.

– Это еще кто? – поднял я на него глаза.

– Пока нам не удалось выяснить.

– Вам? – удивленно поднял я брови. – Не удалось выяснить, кому принадлежит телефон, с которого была прислана эсэмэска?

– Пока да, – ответил Володька. – Сообщение было отправлено с электронного источника, копаем, но все слишком запутано.

– Специально запутано? – спросил я.

– Конечно же, специально, – как само собой разумеющееся, ответил Володька. – Наши специалисты по электроннике сказали, что линия зашифрована.

– А откуда вы узнали, что сообщение Масловскому прислала некая Лида?

– Очень просто: сообщение «Срочно поднимайся на пятый этаж. Буду ждать у банкетного зала «Лейпциг» было подписано: «Лида».

– Значит, убийство тщательно планировалось, – в задумчивости констатировал я, – раз сообщение готовилось заранее, и источник отправления так зашифрован, что даже ваша контора не может его определить. А вот совершенно убийство как-то спонтанно, ты не находишь?

– Я тоже об этом думал, – произнес Володька. – Масловского убили так, словно улучшили момент. Это как... ну... тебя прижали к стенке и сейчас начнут убивать, а ты, улучив момент, вдруг наносишь сам смертельный удар. И тем самым спасаешься от гибели...

– Пожалуй, ты прав, тут что-то есть, – согласился я с доводами Коробова. – Но это опять указывает на генерала Манаева и его коллег. Это их был готов прижать к стенке председатель

Масловский. Это их и им подобных Масловский собирался публично пригвоздить к позорному столбу, раскрыть все их махинации, после чего последовали бы конец карьере, а для некоторых, возможно, и тюрьма. Вот генерал Манаев, улучив момент, и нанес упреждающий удар, причем в самую последнюю минуту, натурально спасая себя от неминуемой гибели...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.